

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Щупленков Олег Викторович, старший преподаватель
Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ессентуки, Ставропольский край, Россия
oleg.shup@gmail.com

В статье рассмотрено понятие самосознания, его различные формы. Показана практическая значимость самоидентификации в условиях эмиграции.

Ключевые слова: самосознание; самоидентификация; эмиграция; культурное сообщество.

RUSSIAN CONSCIOUSNESS IN THE FIRST EMIGRATION WAVE

Schuplenkov Oleg Victorovich, Lecturer
Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki Stavropol region, Russia
oleg.shup@gmail.com

In the article the notion of identity, its various forms. Shows the practical importance of identity in exile.

Keywords: self-awareness; self-identity; emigration; cultural community.

Когда мы говорим о русской идентичности и идентичности вообще мы имеем ввиду социально-психологический уровень идентификации. Это представление о себе, которое формируется как производное от осознания человеком своей причастности к определенной социальной группе, в данном случае — к этнической. Понятно, что этническая идентичность приобретает не произвольно, а в привязке с окружающей действительностью, т.е. в процессе социализации. Обретение идентичности значительно осложняется, если социализация проходит в этически смешанной среде — в итоге отдельные индивиды и целые группы могут характеризоваться двойным или даже тройным самосознанием и, соответственно, дифференцированной идентичностью.

Этническая идентичность является мощным ресурсом социальной общности. Во-первых, она удовлетворяет потребность в самобытности и, на основе которой члены такой общности отличают себя от других подобных общностей. Во-вторых, обеспечивает потребность в принадлежности к определенной группе и, соответственно, защите. И, в-третьих, является мощным инструментом социальной и этнополитической мобилизации (чаще всего по формуле «наших быют!»).

Вместе с тем, этническую идентичность и связанную с ней другую базовую категорию — этническое самосознание достаточно сложно описать методологически (этническая идентичность вытекает из этнического самосознания как форма отождествления и отнесения себя к определенной этнической общности). Существует множество подходов к определению сущности этих явлений. Самосознание проявляется в виде осознания своей принадлежности к определенному этнокультурному пространству с его культурным ядром, — традициями, обычаями, нравами, обрядами, специфическим фольклором и бытовым укладом, — образующим архетипическую основу самосознания, его этнокультурный менталитет.

Итак, этническое самосознание — сложный многокомпонентный феномен. Национальное (в данном случае имеется виду этническое) самосознание непременно приписывает «своему» народу «свой» хозяйственный уклад или «свой» собственный способ добывать себе «хлеб насущный», а также некие уникальные культурные и бытовые традиции. Непременными атрибутами национального самосознания являются «родной язык», а также «свои боги, вера отцов». Обязательно присутствуют и устойчивые представления о характере «своего народа» и о психологических особенностях соседей [1].

В целом, этнопсихологи выделяют семь типов этнической идентичности (самосознания): нормальный (образ своего народа положительный, благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм); этноцентричный (акцентированность на значимости этничности, некритическое к ней отношение, элементы этноизоляционизма, замкнутости); этнодоминирующий (представления о превосходстве своего народа, дискриминационные установки в отношении других этнических групп, стремление не смешиваться с представителями других народов); этнический фанатизм (абсолютное доминирование этнических интересов и целей, готовность идти ради них на любые жертвы); этноиндифферентный (равнодушие к проблемам этничности, ценностям своего и других народов); этнонигилизм (полное отрицание этничности, этнических ценностей); амбивалентный (невыраженная, иногда «сдвоенная» идентичность, характерная для этнически смешанной среды) [2].

Однако есть еще и другая сторона самосознания — гражданская идентичность. С.С. Савоскул считает, что осознание человеком своей причастности к сообществу граждан того или иного государства является важной частью механизма функционирования политической структуры, фундаментом политической жизни и сознания общества [3]. По мнению Тишкова, общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие нация, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы. «Ибо этот общий дискурс о нации придает важную дополнительную легитимность государственной власти через создание образа, что власть представляет некую целостность и осуществляет управление от имени и с согласия этой целостности» [4]. Кроме того, подчеркивает Тураев, гражданская идентификация сопровождается политико-правовой идентификацией, т.е. осознанием и соотношением человека своего декларируемого правового статуса с достигаемым в реальности статусом, со статусом других лиц, как в своем государстве, так и в зарубежных странах. Причем наиболее противоречиво такая идентификация происходит при национальном самоопределении представителей различных этносов и народов в составе многонационального государства [5]. По мнению, В.М. Капицына, государству при формировании национальной идентификации, «необходима специальная политика государственных структур, учитывающая интересы и самосознание нескольких этносов и народов, территориальных общностей... Другими словами необходима правовая политика, воспроизводящая состояния легальной, легитимной национально-государственной идентификации» [6] государства. По этому поводу написано огромное количество работ. Для того чтобы оценить основное направление российской научной мысли, приведем мнения некоторых авторов.

Отсюда вывод: национальная идея может иметь успех лишь в том случае, если реализация ее идет в одном направлении с формированием новой глобальной общности [7].

Между тем, в современной России власть до сих пор не может обозначить формулу, которая могла бы стать национальной идеей. Однако попытки предпринимаются. К примеру, к основным идеям гражданского патриотизма, по мнению А.Н. Вырщикова и К.М. Никонова можно в первую очередь отнести: державность, социальную ориентированность, духовность, просвещенность, историческую преемственность [8]. Г.В. Осипов считает, что сегодня объединить все партии и общественные движения, все российское общество осознанием национальных интересов России могло бы единство идеи духовности, идеи народовластия и идеи державности [9] и т. д.

Как бы то ни было, но пока наше государство обходится такими простыми формулами как «Единая Россия», «Сильная Россия» и прочее.

По мнению Л. Дробужековой лишь у русских ценности политического плюрализма и прав человека конкурируют с национальными, этническими интересами [10]. Савоскул полагает, что это связано с тем, что, у русских (как в значительной мере и у украинцев и белорусов) по сравнению с другими этносами бывшего СССР сильнее, чем этническое, было развито государственное самосознание, однако, со временем стала расти и его этническая составляющая [11]. Тураев также подчеркивает, что в русском национальном самосознании огромную роль всегда играла идея державности. «Понятия Родина, Государство — наиболее значимые ключевые ценности в русском культурном архетипе. Являясь носителем государственности, русский человек вольно или невольно всегда осознавал себя хозяином положения, за его спиной незримо стояло могучее государство, к помощи которого он мог обратиться (и обращался) в трудную минуту. Уже в силу этого обстоятельства в антитезе «мы — они», неизбежной при любых этнических контактах, русское представление о «мы» имело превосходную степень. Сказывалась, безусловно, и разность культурно-исторических потенциалов. На лестнице исторического прогресса русские стояли выше, чем их новые сограждане в Поволжье, Сибири или в средней Азии. Все это не могло не породить известного чувства снисходительности, пренебрежительного отношения к культуре, традициям и обычаям других народов, при этом русский человек искренне верил, что творит доброе дело. Сострадание к тем, кто «ниже», стремление поднять их до уровня «как все» (в данном случае «как мы»), замешанное на идее христианско-православного мессианства и милосердия, — не менее характерная черта русского культурного архетипа. Тоталитарно-имперская система СССР лишь усугубила это, прямо скажем, не очень прекрасное качество» [12]. Это основные точки зрения на характер гражданской/государственной идентичности русских.

Итак, русский не мыслит себя без своего государства, главной характеристикой которого считает его мощь и силу.

При этом абсолютно не важно как оно называется — Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Русские всегда знают, что за ними стоит великая Россия, за каждым из них.

Чтобы ответить на насущные вопросы: что собой представляет современная русская идентичность в России и других постсоветских государствах? Что различает русских, живущих по ту, и эту сторону границ современной Российской Федерации, и что их объединяет? Как происходит процесс самоорганизации русских общин в условиях становления новых независимых государств? Можно ли говорить о существовании «русской диаспоры» в этих новых государственных образованиях? Необходимо, на наш взгляд обратить внимание на совсем недалекое прошлое. А именно, русская эмиграция «первой волны».

Эмиграция, весь смысл существования которой заключался в надежде на возвращение на Родину, не могла остаться в стороне от тех проблем, с которыми столкнулся мир в XX в. и от решения которых зависела судьба не в последнюю очередь и России. Следует заметить, что сам патриотизм русской эмиграции — особый политический и социально-психологический феномен. Вынужденное изгнание из России способствовало выходу на первый план именно этого понятия в большинстве программ политических партий и движений. Если до Октября 1917 г. многие вообще не упоминали о патриотизме, то жизнь в эмиграции коренным образом повлияла на восприятие этой темы. Патриотические воззрения русских эмигрантов чрезвычайно многообразны. Можно выделить политический патриотизм, с четко выраженными концепциями государственного устройства России, однако нельзя забывать и о своеобразном «романтическом» патриотизме, основанном на привязанности к своей Родине, но не выработавшем никаких конкретных программ и целей, а также патриотизме военных, гражданских лиц, наконец, мессианском патриотизме, признаки которого имеются почти во всех перечисленных видах патриотизма. Он основывался на представлении об особой роли России и русского народа в деле защиты Православия, и естественно, что при подобном взгляде на Отечество невозможно было примириться с восторжествовавшей в нём властью воинствующих безбожников. Собственно, развитие патриотических идей в Российском Зарубежье может быть признано среди прочего как проявление инстинкта самосохранения. Как подчёркивал известный публицист, один из лидеров партии народных социалистов В.А. Мякотин, «весь смысл существования русской эмиграции, как таковой, в её отношениях с Родиной» [13]. Только связь с Родиной, пусть хотя бы посредством теоретических дискуссий, могла помочь эмигрантам сохранить их национально-корпоративную целостность.

В потоке русской эмиграции первой волны (после 1917 года) оказываются многие представители интеллигенции, в том числе деятели науки, техники и высшей школы. Основная часть их покидает Россию в период 1920—1925 гг. Были они среди тех, кто пересек Черное море вместе с частями побежденной Белой Армии. Покидали они страну, случалось, и целой группой по гуманному решению Советского правительства, убежденного в их скрытой активной контрреволюционной деятельности (высылка в 1922 году более ста видных ученых). Уезжали они и поодиночке, используя для этого научные командировки, поездки по приглашениям и любые другие возможности пересечь границу, запиравшуюся на все более прочный замок.

Нельзя сказать, чтобы на Западе выходцев из России ожидали сколько-нибудь близкие к привычным условия для научной и педагогической деятельности. Тем удивительнее результаты, которых удалось достичь в течение нескольких лет.

Оказавшись за пределами родины, большинство русских ученых и преподавателей высшей школы видели свою задачу не только в том, чтобы найти лабораторию или кафедру для продолжения личных научных занятий. Не менее важной целью стало воссоздание русского научного (академического) сообщества, возможность обсуждения и публикации трудов на русском языке, обеспечение квалифицированного образования и передачи научных традиций молодому поколению Русского Зарубежья — работа в этом направлении велась с удивительной энергией и принесла вскоре ощутимые плоды.

Для большинства ученых, эмигрировавших из России, получить место в научных учреждениях страны пребывания было как правило непросто. Охотно приглашались для чтения лекций и научной работы лишь те русские ученые, которые имели высокий авторитет в научном мире еще до эмиграции. Так, Брюссельский университет предложил профессорскую должность историку средневековья А. Экку, руководить кафедрой славянской филологии Венского университета был приглашен Н.С. Трубецкой, в Парижской Высшей Практической школе работали Г.Д. Гурвич, А. Койре, Н.О. Щупак и т. д. Некоторые из институтов имели традиционные научные связи с Россией еще с дореволюционных времен, что способствовало появлению в них целой группы выходцев из России. Конечно, это было не правилом, а исключением. Яркими примерами такого сотрудничества являлись Институт Пастера, где работали А.М. Безредка, С.И. Метальников, И.И. Манухин, В.Н. Анри (Крылов) и др., Музей Человека, куда были приглашены Е.Г. Шрейдер, Б.В. Вильде, А. Левицкий. В основном же западные институты и университеты встречали эмигрантов из России без большого энтузиазма.

Шансы приезжих ученых повышались в случае свободного владения местным языком (так П.М. Бицилли оказался в Софии, а Ф.В. Тарановский — в Белграде), или отсутствия конкуренции при занятии вакансии (такая ситуация была более характерной для провинциальных городов).

Все названные научные центры, за исключением харбинского, были созданы в городах Западной Европы. То, что туда устремились выехавшие из России ученые и преподаватели высшей школы было вполне объяснимо: помимо традиционных научных связей существенным фактором являлось желание изгнанников оставаться поближе к России в надежде на недолговечность большевистского режима. Однако существовала и другая часть научно-технической интеллигенции, избравшая для себя местом эмиграции Америку. Стремление обосноваться в США было более характерным для тех, кто уже получил известность своими работами в области техники. Так за океаном оказались известный авиаконструктор И.И. Сикорский, крупный специалист в области теоретической и прикладной механики академик С.П. Тимошенко, химик, «великий пионер каталитических реакций» академик В.Н. Ипатьев.

Применение своим силам на фирмах США пробовали найти и сотни других менее известных инженеров и научных работников.

Лишь немногие из них достигли уровня всемирной известности, как например, «отец телевидения» В.К. Зворыкин или директор Национальной радиоастрономической обсерватории США О.Л. Струве.

Говорить об общем вкладе в науку эмигрировавших из России ученых, среди которых были как звезды мировой величины, так и рядовые исследователи, конечно трудно.

Одну из «болевых точек» русской интеллигенции составляла проблема ценностного отношения к Отечеству. Эмигранты не имели завышенных ожиданий по отношению к приютившим их странам, старались принимать тяжелые условия жизни как должное, но полученные психологические травмы ставили их на грань душевного срыва, зачастую приводили к трагическим последствиям. Процесс адаптации усугублялся случаями отторжения со стороны западного общества, устойчивым российским менталитетом, желанием сохранения культурного своеобразия и стремлением вернуться в Россию.

Эмиграция переживала сложный процесс столкновения разных культурных стереотипов и аккультурацию, когда элементы собственной и чужой культуры сливались настолько, что подгонка отношений под окружающую среду создавала опасность денационализации. Данный процесс распространялся как минимум на три поколения, когда могла бы завершиться культурная включенность в целом.

В результате русская интеллигенция стремится осмыслить ее собственную роль в условиях изгнания. «Смысл — в ее (интеллигенции) служении... «Эмиграция»? Это ведь одна сотая русского народа. Но она свободна — и, будучи свободна, она для русского народа и во имя русского народа... может и должна продолжать его духовную традицию, то есть помогать ее сохранению и продолжению» [14], — писал Н.С. Арсеньев. Чувство служения потерянной родине, русскому народу и попытке сохранения образа Отечества в условиях диаспоры и предопределили начало поиска русского духа.

Проведя историко-социальный анализ феномена Русского Зарубежья 20-х — 30-х гг., можно сделать следующие выводы.

Отличительными особенностями российской диаспоры за рубежом являлись:

- достаточно сложный спектр социально-политических предпочтений эмигрантов;
- будучи носителями русской и европейской культур, представители русской культурной диаспоры активно адаптировались в западное цивилизованное общество, пытаясь при этом сохранить собственную национальную идентичность;
- научный и образовательный изоляционизм больше всего отразился на русской молодежи, что выразилось в глубоком эмоциональном потрясении. Старшее поколение акцентировало свое внимание на сохранении и передаче традиционных начал ментальности подрастающему поколению. В итоге это стало смыслом их жизни на чужбине;
- духовная связь с Родиной, продолжение традиций отечественного просвещения, творческий потенциал педагогов позволили сохранить историческую преемственность русской национальной культуры.

Литература

1. Филиппов В. «Нулевой вариант» в этнополитике — путь к гражданскому равноправию в обществе // Федерализм. 1997. №2. С. 27.
2. Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 80.
3. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 52.
4. Тишков В.А. Забыть о нации // Этнографическое обозрение. 1998. №5. С. 16.
5. Капицын В.М. Национальная идентификация и политико-правовые стратегии государства // Национальный вопрос и государственное строительство. М., 2001. С. 78.
6. Там же. С. 83—84.
7. Пак Г.Н. Федеративное устройство России и проблемы гармонизации межэтнических отношений. Саратов, 1998. С. 73-74.
8. Выршиков А.Н., Никонов К.М. Российская национальная идея. Волгоград, 1998. С. 103.
9. Осипов Г.В. Россия: национальная идея, социальные интересы и приоритеты. М., 1997. С. 140.
10. Дробижева Л. Опыт национализма и демократизация в республиках Российской Федерации // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 43.
11. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 93.
12. Тураев В.А. Этнополитология. М., 2004. С. 93.
13. Мякотин В.А. Родина и эмиграция // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1994. Кн. 5. — С. 248—249.
14. Арсеньев Н.С. О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном ее служении // Русское Возрождение. — Нью-Йорк — Москва — Париж, 1992—1993. — № 60 — 61. — С. 215.